

Виктор Астафьев

Кровь человеческая



Часть сборника
Печальный детектив (сборник)



Виктор Петрович Астафьев

Кровь человеческая

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135198

Печальный детектив: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-46235-3

Аннотация

«Он заметил этого парня сразу, как только вошел в магазин. Парень ничем особенным не выделялся среди покупателей. Одет, как многие молодые люди сейчас одеваются, в серую спортивную куртку и лыжные брюки. Только волосы у него чуть длиннее, чем у других парней, и замочек на куртке развернут чуть подальше, чем это делается обычно.

И все-таки Сергей Дмитриевич понял: парень этот – жулик. Подчеркнутое безразличие ко всему, высокомерный прищур, за которым скрывалась настороженность, и особенно руки, засунутые в карманы куртки, – выдавали его. Никто не прячет руки так тщательно, как карманник...»

Виктор Астафьев

Кровь человеческая

Он заметил этого парня сразу, как только вошел в магазин. Парень ничем особенным не выделялся среди покупателей. Одет, как многие молодые люди сейчас одеваются, в серую спортивную куртку и лыжные брюки. Только волосы у него чуть длиннее, чем у других парней, и замочек на куртке развернут чуть подальше, чем это делается обычно.

И все-таки Сергей Дмитриевич понял: парень этот – жулик. Подчеркнутое безразличие ко всему, высокомерный прищур, за которым скрывалась настороженность, и особенно руки, засунутые в карманы куртки, – выдавали его. Никто не прячет руки так тщательно, как карманник.

Сергей Дмитриевич занял очередь в гастрономическом отделе. Он перебрасывался словами с покупателями, изучая цены на сыр, селедку, вино, и в то же время следил за тем, что делал парень в спортивной куртке.

Вор работал грубо. Лез в карманы напропалую, и было в его работе больше нахальства, чем ловкости. «Сейчас я его куплю», – пришла Сергею Дмитриевичу озорная мысль. Он вынул деньги – их было полсотни, – отсчитал двенадцать рублей, остальные сунул в брючный карман – и тотчас превратился в покупателя-ротозея, который не потому ротозей, что слишком небрежен, а потому, что уж больно осторожен.

Сергей Дмитриевич нарочно стиснул в кулаке деньги и оттопырил карман, наперед зная, что вот сейчас он подойдет к весам, начнет рассчитываться с продавцом, укладывать покупки в сетку и вор непременно в этот момент полезет к нему в карман.

Нервно скомканная трешка просунулась через плечо Сергея Дмитриевича. На шее он ощутил горячее дыхание. Сейчас парень еще плотнее навалится на него, попросит не слишком громко и не очень тихо пачку «Беломора», а продавщица потребует с него мелочь. Начнется недолгое препирательство. А в это время...

Вот оно – робкое, почти нежное прикосновение к бедру. Ползут, ползут в карман затвердевшие и в то же время невероятно чуткие пальцы. Парень перестал дышать, и Сергей Дмитриевич затылком чувствовал, как расширились у карманщика глаза, как ушли из них сила, ум, совесть – все, что дала ему от рождения мать, – все ушло и повисло на кончиках пальцев.

Сергей Дмитриевич поймал руку вора за локоть, и она сразу ослабела, потом напряглась, рванулась.

– Отойдем в сторону, – вполголоса сказал Сергей Дмитриевич.

И вор покорно последовал за ним с мгновенно осунувшимся лицом.

– Не получилось наколки? – усмехнулся Сергей Дмитриевич и, выходя из магазина, предупредил: – Не вздумай мо-

тануть – хуже будет. – Жулик смирился. Сергей Дмитриевич вывел его на улицу и сказал: – Не умеешь работать, корешок. Не годишься для такой тонкой работы. Да и ни к чему она тебе. Вон какой битюг. Лес валить ступай.

И пошел прочь. На углу обернулся. Пришибленный парень стоял все на том же месте и растерянно смотрел вслед Сергею Дмитриевичу.

* * *

На окраине городка, вытянувшегося вдоль горной реки, стоит старый деревянный дом. Черемухи и рябины как будто подпирают его, не давая упасть с косогора. Осыпистый овраг, называемый здесь логом, углом врезался в гору. По дну его сочится вялый светленький ключ, местами совсем скрытый вывалившимся из горы плитняком.

У домика, испуганно притулившегося на косогоре, весной подмыло половину изгороди. Каждое утро, спускаясь к ключу по воду, Сергей Дмитриевич трогал подпорки, поддерживающие прясло под обрывом, и недовольно хмурился. И теперь, прежде чем открыть ворота, он привычно глянул на лог, в который осыпались земля и мелкие камешки, но задерживаться не стал. Не хотелось портить себе хорошего настроения, с которым он сейчас шел по всему городу, возвращаясь из магазина.

Он жил в этом городе давно, знал его вдоль и поперек, но

каждый день открывал в нем что-то новое. На месте недостроенного собора начали воздвигать Дом культуры. Хорошо это, давно пора. Один кинотеатр на весь город, да и кинотеатр такой, что в нем к концу сеанса мухи мрут от духоты. Здание детсада возле железнодорожной линии зеленой краской выкрасили; мухоморов деревянных на детсадовской площадке, как в густом ельнике, и цветов столько, что в глазах рябит. А на площадке ребятишки. «Мордастые все какие и, небось, озорные, стервецы!» – подумал Сергей Дмитриевич, проходя мимо. Он замечает, что за последние годы в этом прокопченном рабочем городе вообще стало много ребятишек и цветов. Всяких мастей цветы и фасонов разных. Перед домами, в палисадниках, во дворах, в скверах, на стадионе – всюду цветы...

Захваченный «цветочной стихией», Сергей Дмитриевич и сам попытался посадить около дома георгину. Купил на базаре георгинную картошку, закопал под черемухой. Выросла дудка с тремя листьями, даже шишечка набухла, но не расцвела.

– Не по нам, значит, такое деликатное дело, – сказал ему сын Юрий, поцарапав затылок.

– Да, знать, это бабье занятие, – сокрушенно вздохнул Сергей Дмитриевич и сделал вид, что отступился. Растут в палисаднике сами по себе ноготки, чемерица, куриная слепота – и ладно. Тоже цветки. Но тайком от сына сходил все же к соседу и выпросил, как и где садят георгины и какое

удобрение им требуется.

– Будут у нас и георгины эти самые, – хитро усмехался он, поднимаясь на крылечко и открывая дверь.

Юрий пришел с ночной смены и спал в чулане. Сергей Дмитриевич осторожно приоткрыл дверь в чулан, поглядел на сына. Голова юноши скатилась с подушки. Щеки были чисты, но под глазами осталась копоть. «Торопился, видно, добраться до постели вальцовщик и умыться не успел как следует. Трудна ночная смена», – вздохнул отец.

Грудь Юрия ровно подымалась, и русалка со щучьим лицом то выныривала из-под синей майки, то исчезала под ней. Русалку эту Юрий наколол тайком, подражая отцу, когда учился еще в пятом классе, и долго этим гордился. Сам Сергей Дмитриевич был до того разрисован всевозможными зверьми, стрелами, пронзающими червонных тузов, якорями и разными другими штуками, что на старости лет стал стесняться ходить в общую баню и срубил на огороде свою.

Сергей Дмитриевич завесил окно в чулане, чтобы солнце не пекло Юрия, положил сетку с продуктами в кухне на стол, не спеша сходил в огород, выдернул гнездо лука. Включил плитку, выложил на сковородку ветчину, поджарил. Так же неторопливо спустился к ключу, подставил под струю чайник, вымыл руки. Подымаясь на крыльцо, на минуту задержался возле чулана, подумал и тихо позвал:

– Эй, работник, вставать пора, проспийшь все царство небесное!

Юрий открыл глаза, утер губы ладонью, вытянул за ремешок часы из-под подушки и сладко, как мальчишка, потянулся.

– Люблю поработать, особенно поспать. – И улыбнулся с зевком: – Чем, батя, кормить будешь?

– Умывайся дома, – отозвался отец уже из кухни, – в ключе вода нынче шибко студеная. Дашь дуба.

Сергей Дмитриевич любил употреблять стародавние и даже блатные слова. За этим скрывалась неистребимая привычка чуть гордиться тем, что был он когда-то беспризорником и вором, немало хлопот людям доставил, а вот сумел-таки на ноги встать, честно хлеб зарабатывать – и пенсию заслужил. Последние годы работал он на заводе по плотницкой части.

Юрий сбежал к ключу, подставил спину под струю, падающую с осклизлого, подернутого зеленью желоба, и дурным голосом заорал ту самую песню, какую всегда пел при этой процедуре:

Нам полезней
Солнце,
воздух и вода,
От всех болезней
Помогают нам всегда...

Сергей Дмитриевич распахнул окно в кухне и снова пообещал:

– Дашь дуба, дашь, дохорохоришься!

Юрий потрянул мокрой головой и улыбнулся отцу – он знал, что тот любит его и маскирует это грубоватыми шутками.

Они ели со сковородки поджаренную ветчину, и отец будто ненароком перебрасывал вилкой на «Юркин край» нежирные куски, потому что сын жирное не любил. Потом Сергей Дмитриевич налил себе густого чая, а Юрий нацедил из пузатой банки «гриба», залпом выпил кружку и с удовольствием крякнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.